

120 лет со дня рождения Марины Цветаевой. Она предчувствовала свою трагическую судьбу

«Когда меня любят - удивляюсь, когда не любят - удивляюсь, но более всего удивляюсь, когда ко мне равнодушны» - так писала она о себе. К гениальной личности и гениальному творчеству Цветаевой и вправду невозможно быть равнодушным. Она затягивает в свои миры, образы, страсти, в вечный роман с собственной душой. Опаляет огнём, уносит ураганом. Сказка детства «Красною кистью рябина зажглась. Падали листья. Я родилась». 26 сентября (8 октября по н. с.) 1892 г. в тихом Трёхпрудном переулке Москвы появилась на свет девочка, которую называли редчайшим по тем временам именем Марина.

Здесь был императорский дворец, затем тюрьма. Как 100 лет назад создавался ГМИИ им. Пушкина

Отец Иван Владимирович - известный учёный, профессор трёх университетов, основатель и создатель ныне знаменитого на весь мир Музея изящных искусств. Мать, Мария Александровна, урождённая Мейн, вдвое моложе его, была прекрасной пианисткой. В своём раннем стихотворении Марина написала, обращаясь к Богу: «Ты дал мне детство - лучше сказки и дай мне смерть - в семнадцать лет!» Она точно предчувствовала свою трагическую, мучительную, со столь страшным финалом судьбу. Следом за Мариной в семье появилась Анастасия - Ася. Жизнь в их «трёхпрудном доме»... Деревянном, с забором и калиткой, с колодцем, с раскидистым тополем и акациями во дворе, с няней и прислугой, с морозным запахом дров и ёлки на Рождество и куличами на Пасху, с колокольным звоном, с игрой матери на рояле («Мать затопила нас музыкой»). Дом снесли в 1919-м. «Слава прабабушек томных, домики старой Москвы, из переулочков скромных всё исчезаете вы...» Летом выезжали на Оку, в Тарусу, где теперь по пути на цветавскую дачу - камень: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева» - об этом она не раз говорила. Девочек Цветаевых воспитывали строго, особенно Марину. В крупной, полноватой, близорукой дочери мать видела несостоявшуюся себя - музыкантшу, тем более что одарённость ребёнка как пианистки была очевидна. Но, когда ей было года четыре, мать записала: «Муся всё время рифмует. Может быть, будет поэт?» Стихи «пошли» у неё с 6 лет - на русском, немецком, французском. Первый сборник Марины 1910 г. «Вечерний альбом» она издала на скопленные «карманные» деньги сама. Встретила судьбу Сёстры рано начали взрослую женскую жизнь. В 1911 г. Марина, уже занявшая место в московском литературном мире, отмеченная и Максмом Волошиным, и Валерием Брюсовым, приехала к Волошину в Коктебель. И там встретила свою судьбу (и рок на всю жизнь) - 17-летнего Сергея Эфрона. «Если бы вы знали, какой это пламенный, великодушный юноша! Наша встреча - чудо. Мы никогда не расстанемся», - писала она. Сергей, романтический красавец, приехал «отдышаться» от чахотки и прийти в себя после двух самоубийств в семье - 14-летнего брата и матери, не выдержавшей утраты. Марина загадала, что выйдет замуж только за того, кто угадает её любимый камень - сердолик. При знакомстве Сергей протянул ей именно его. В январе 1912 г. Марина и Сергей обвенчались, купили дом на Полянке, съездили в Италию, Германию, Францию. А в сентябре у Эфронов родилась дочь Ариадна - Аля. Они были будто не мать и дочь - скорее душевные подруги, нежные сёстры. «Аля! - Маленькая тень на огромном горизонте. Тщетно говорю - не троньте!» Но - тронули. В 1939-м Алю, добровольно вернувшуюся в 1937-м в СССР из Парижа, фанатично влюблённую во всё советское, арестовали. Пытали, били, «выбили» показания на отца. 15 лет лагерей и ссылки. Расстрел гражданского мужа. Сломанная жизнь несломленной женщины, талантливой художницы, писательницы. Источник фото russianlook.com А тогда... В 1914-м началась война. Сергей ушёл добровольцем, в санитарный поезд. Вернее, бежал в трагическом смятении: любимая и любящая жена (о любви она твердила ему и в стихах всю жизнь: «...Что ты любим! любим! любим! - расписывалась - радугой небесной») успела за 2 года брака пережить страсть к его брату Петру, умершему вскоре от чахотки, а теперь страстно влюбилась... в поэтессу Софию Парнок. Сергей ту любовь ей простил, как прощал жене всё и всегда: «Мою жену нельзя судить по обычным меркам. Она - Поэт». В 1922-м он писал Волошину: «Марина - человек страстей». Писал о её «ураганах страсти» и о «гигантской печи» - бездонной душе Марины, алчно требующей «материала на растопку»: «Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно». В 1917-м у них родится вторая дочь Ирина, странный, несчастливый ребёнок. Революцию Сергей встретил в боях с красными. А потом ушёл с Добровольческой армией, исчез на 4 года. Марина осталась с двумя детьми в холодном доме в Борисоглебском переулке - без электричества, воды и отопления. Без средств. Как-то в дом зашёл вор и, ужаснувшись нищете... предложил ей денег. В 1922-м Марина с Алей уедут к нашедшемуся Эфрону в Берлин. Ирочка, младшая, к тому времени умерла. Поистине её стихи росли не из сора - из боли и страданий. Мытарства не закончились и в эмиграции. И в Чехии, и во Франции - бедность. В 1925-м в домике под Прагой рождается вымечтанный, наколдованный, долгожданный сын Георгий. С младенчества и до юности все звали его Мур. Он стал для Марины кумиром, божеством. Она любила его слепо, страстно, ревниво. И баловала: «Мальчиков надо баловать - им, быть может, на войну придётся». Мур после её гибели голодал, болел и погиб в апреле 1944-го в возрасте 19 лет. В парижской эмиграции Эфрона и Цветаеву невзлюбили. Сергей, герой Белой гвардии,

был завербован в агенты НКВД и возглавил в 1935 г. Союз возвращения на Родину. А в 1937-м, после провала одной из акций, сбежал в СССР. Марина оказалась в изоляции. Она боялась России. В полиции на допросе после исчезновения мужа ответила: «Его доверие к кому-то могло быть обмануто. Моё к нему - неизменно. Это самый честный и благородный человек». Добившись паспорта, в 1939-м Марина с Муром отплывают на Родину: «Я погибла», - произнесла она, взойдя на борт парохода. Поселили их всех на даче НКВД в Болшеве. Вскоре арестовали Алю, через месяц с небольшим - Сергея. Марина с Муром зимой остались на холодной даче совсем одни. Сестра уже получила 10 лет. Начался ужас - ночные страхи, бессонница, поездки затемно в мёрзлых поездах с передачами. Сергея расстреляли в октябре 1941-го. За месяцы допросов и пыток он не выдал никого. Когда Марина с сыном съехали из Болшева, затем из Голицына (в писательском Доме творчества им милостиво выделили один обед в день на двоих, и то без права есть со всеми в столовой), им стало негде жить. Ночевали порой вдвоём на сундуке в комнатке у сестры Сергея. 1941 год, война, стремительное приближение врага - Марина словно окаменела. «Ты похожа на страшную деревенскую старуху», - бросил ей как-то сын, бурные ссоры с ним были постоянными. А она... «Никто не знает - вот уже почти год, как я ищу глазами крюк». Мур из Москвы уезжать не хотел - снова ругань. Марина же просила своих отъезжающих друзей и знакомых взять её кем угодно: «Могу быть сиделкой, санитаркой, мыть полы, окна». В Елабуге их ждал отгороженный ситцевой занавеской угол в покосившейся избе. В Чистополь, куда отплыла «элита», её «не взяли». Есть версия, что её вызывали в Елабужское НКВД и предложили стать переводчицей в местном лагере военнопленных. За это Марине разрешили прописку в Чистополе, и они с Муром 30 августа должны были переехать. Она тогда всё продумала, написала три записки («Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже... Люблю тебя безумно. ...Попала в тупик»), не забыла и про «150 рублей в сумочке», и - «не похороните живой! Хорошенько проверьте». 31 августа Марина осталась дома одна. Успела нажарить Муру рыбы. И нашла глазами в сенях - крюк. А крепкая бечёвка была, от Пастернака, она просила, он принёс, помогая ей в Москве собираться в Елабугу: «Вот, Марина, крепкая, хоть вешайся!» Всю жизнь он помнил об этой своей пророческой «шутке»... Мур на похороны не пошёл. Точное место захоронения Марины неизвестно.